

Николай Чуклинов

**Два лика Ра. Книга
2. «Рамзес III. Закат
и проклятие»**

Николай Чуклинов

Два лика Ра. Книга 2. «Рамзес

III. Закат и проклятие»

<https://litres.ru/74131214>

SelfPub; 2026

Аннотация

Египет никогда не был так близок к падению. Великая империя, созданная Рамзесом II, трещит по швам. После смерти фараона-бога трон переходит к слабым правителям, которые не могут удержать страну от голода, мятежей и коррупции. Казна пуста, храмы богатеют, а на границах уже собираются новые враги.

Рамзес III — последний великий фараон Нового царства. Он выигрывает битвы, строит храмы и пытается остановить хаос. Но самая страшная угроза ждёт его не на поле боя, а внутри собственного дворца. Заговор в гареме, который возглавляет его младшая жена Тия, готовит ему смертельный удар.

Эта книга — хроника заката величайшей цивилизации древности. В ней — судьбы фараонов, заговорщиков и воинов. В ней — предательство, магия и кровавая расплата. И в ней — голос из вечности, который звучит через три тысячи лет.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Два лика Ра. Книга

2. «Рамзес III.

Закат и проклятие»

Глава

Два лика Ра. Книга 2. «Рамзес III . Закат и проклятие».

Пролог.

Фивы. Святилище Амона в Карнаке. Много лет спустя после смерти Рамзеса II.

Тьма здесь была иной. Не тёплой и живой, как ночи в дельте, а густой, настоящей на ладане и страхе. Воздух в коридоре, ведущем к Святой Святым, был прохладным и неподвижным. Факелы, зажжённые у входа, отбрасывали на стены, покрытые рельефами с изображениями богов, пляшущие, уродливые тени.

По коридору, почти бесшумно ступая по каменным плитам, шли двое. Впереди — верховный жрец Амона, Мер-Амон. Его лицо, освещённое пламенем факела, который он нёс, казалось вырезанным из старой слоновой кости — непроницаемым и вечным. За ним, едва поспевая, шёл юно-

ша Пентаур. Седьмой сын фараона. Шестнадцать лет. От Теи, младшей царицы. Его сердце колотилось так, что, казалось, эхо отдавалось от стен.

Его вызвали. Лично. Ночью. Никто не должен был знать об этом или стать свидетелем этой встречи.

Они вошли в небольшое, круглое помещение без окон. В центре, на алтаре из чёрного базальта, стояла лишь чаша с тлеющими углями. Дымок, горьковатый и сладкий одновременно, поднимался к потолку.

— Стань здесь, — голос жреца прозвучал как скрип двери в гробнице.

Пентаур повиновался. Жрец опустил факел в нишу, и свет стал призрачным, мерцающим. Теперь лицо Мер-Амона было похоже на лик мумии.

— Ты знаешь, почему ты здесь?

— Н... нет, святой отец.

— Ты здесь, потому что кровь твоя — кровь бога. Но боги... капризны. Иногда они сеют семена не только для урожая, но и для сорняков. Чтобы проверить почву.

Пентаур сглотнул. Он не понимал. Но боялся спросить.

Жрец протянул руку над чашей. Бросил в угли щепотку порошка. Вспыхнуло зелёное пламя, осветив на мгновение всю комнату, и Пентауру показалось, что на стенах движутся тени гигантских существ с головами зверей.

— Будущее — не прямая дорога, — заговорил жрец, и его голос приобрёл странную, певучую интонацию. — Оно —

река с множеством рукавов. Один рукав — широкий, светлый, им плывёт твой отец, Солнце Египта. Другой... другой тёмный, узкий, полный острых камней. И по нему плывёт тень. Тень с твоим лицом, Пентаур.

Юноша похолодел.

— Что... что это значит?

— Это значит, что ты стоишь на распутье, — жрец приблизил своё лицо. Его глаза, казалось, светились изнутри тем же зелёным огнём. — Воля богов неясна. Ты можешь стать опорой трона. Или... ты можешь стать тем клинком, что будет направлен в самое сердце Солнца.

Пентаур отшатнулся, как от удара.

— Я не хочу! Я не могу! Он же мой отец!

— Отец? — в голосе жреца прозвучала ледяная усмешка. — Фараон — отец для всех. И он же — судья для всех. А суд его быстр и беспощаден. Ты видел, как он смотрит на твою мать? Как он смотрит на тебя? Ты — сын младшей жены. Седьмой. Ты — пыль у колеса его великой колесницы. Твоя судьба — забытая гробница в стороне от Долины Царей. Если повезёт.

Каждое слово падало, как капля ледяной воды на раскалённый камень души Пентаура, оставляя трещины.

— Но есть иной путь, — голос жреца стал шёпотом, соблазнительным и страшным. — Боги дают знаки. И они дают выбор. Один сын должен вознести Солнце к вечности через славу. Другой... через жертву. Даже жертву чудовищную.

Чтобы очистить, чтобы обновить. Понял ли ты?

Пентаур не понял. Но он почувствовал. Почву для сорняка. Тёмный рукав реки. В его юношеское сердце, полное обиды на невнимание отца, ревности к старшим братьям, жалости к вечно печальной матери, упало зёрнышко. Не заговора, пока ещё нет. Но оправдания. Оправдания для той ненависти, которой ещё не было, но которая должна скоро прийти. Оправдания для непоправимого поступка, который однажды будет представлен не как предательство, а как... жестокая необходимость, воля самих богов.

— Запомни этот миг, Пентаур, — сказал жрец, отступая назад, растворяясь в тени. — Когда придёт время выбирать рукав реки, вспомни. Вспомни зелёное пламя. И спроси себя: кем ты хочешь быть? Пылью... или тем, кого даже боги боятся назвать по имени?

Он вышел, оставив юношу одного в дымной, тёмной комнате, где будущее, страшное и неизбежное, впервые протянуло к нему свою костлявую руку.

Пентаур стоял, дрожа. Он смотрел на тлеющие угли. И ему казалось, что в их глубине он видит лицо. Лицо отца. И своё собственное. Слитые в одной гримасе ужаса и боли.

Он ещё не был заговорщиком. Он был всего лишь мальчиком, которому только что показали пропасть, существующую между ним и его отцом-богом. И семя, брошенное в эту пропасть, уже начало прорастать корнями ненависти.

Часть 1. Наследники колосса.

Глава 1. Мернептах

Мемфис, 1213 год до нашей эры. Седьмой месяц траура по фараону

Рамзесу II, прозванному Великим.

Нил разлился выше обычного. Вода подступила к самым стенам дворца, затопила причалы, залила склады у южных ворот. Рыбаки, вытащившие лодки на берег, смотрели на прибывающую воду с тревогой. Крестьяне, чьи поля ушли под воду, стояли на плотинах и молчали. Даже жрецы, привыкшие истолковывать знаки богов, не знали, что сказать.

— Это сам фараон оплакивает себя, — говорили одни. — Даже река не хочет отпускать его душу в Западную Страну.

— Нет, — шептали другие. — Великая река плачет, предчувствуя беду.

А третий, самый старый и седой жрец из храма Птаха, сказал однажды ночью, когда думал, что никто не слышит:

Вода никогда не поднималась так высоко в год смерти фараона. Никогда. Даже когда умирали великие. Даже когда умирали боги.

Смерть Рамзеса II, прозванного Великим, потрясла Египет. Шестьдесят семь лет он правил Двумя Землями. Шесть-

десять семь лет его имя было символом мощи, богатства, бессмертия. Шестидесять семь лет люди рождались, жили и умирали, зная только одного фараона — Рамзеса, сына Сети, избранника Амона. Старики помнили его коронацию. Молодые знали только его имя. Дети учились говорить, произнося его титулы. А теперь его не стало.

Мернептах стоял у окна своего дворца и смотрел на воду. Он стоял здесь уже больше часа, с тех пор как проснулся от тяжёлого, душного сна, в котором отец звал его по имени, но голос был чужим, будто доносился из-под воды. Стены дворца были толстыми, но даже сквозь них он слышал гул Нила — река поднималась, подбиралась к самому порогу, и в этом гуле было что-то похожее на предупреждение. Или на плач.

Корона была тяжёлой. Гораздо тяжелее, чем он думал. Она давила на лоб, на виски, на затылок, и Мернептаху казалось, что он несёт на голове не символ

власти, а камень, который вот-вот раздавит его. Он машинально потянулся

поправить её, но пальцы замерли на полпути: он боялся, что если коснётся золота, оно обожжёт его холодом, как лёд в горах, о которых рассказывали купцы. И он

опустил руку, оставив корону лежать на нём, как приговор, который нельзя снять.

Где-то в дальнем коридоре звякнула бронзовая пряжка на

поясе стражника, и этот короткий, резкий звук ударил по тишине, как капля падает в глубокий колодец.

Потом снова стало тихо. Только Нил гудел за стенами, и этот гул был похож не на

голос реки, а на дыхание огромного, раненого зверя, который не может ни
вздохнуть, ни выдохнуть.

Ему было далеко за шестьдесят — возраст, который в Египте считался глубокой старостью. Его волосы, когда-то чёрные, как смола, которой пропитывали лодки, теперь были белыми, как соль в

соляных копиях. Его лицо покрывали морщины, глубокие, как трещины в сухой

земле после засухи. Его руки дрожали, когда он опирался на подоконник, и эта

дрожь не проходила уже много лет — с тех пор, как умер его старший брат Амонхерхопшеф, первый наследник,

тот, кто должен был стать фараоном вместо него. Мернептах тогда был молодым,

сильным, и смерть брата стала для него первым предупреждением. Он не знал

тогда, что таких предупреждений будет двенадцать.

Он был тринадцатым сыном Рамзеса II. Тринадцатым наследником. Тринадцатым

по счёту, кто дожил до того момента, когда корона наконец упала на его голову.

Двенадцать братьев ушли раньше. Кто-то в бою, кто-то от болезни, кто-то просто исчез из свитков, будто его и не было. Он помнил их лица — молодые, смеющиеся, полные жизни. Помнил их голоса, их споры у отцовского

трона, их амбиции. Все они ушли. А он остался. Он, самый тихий, самый

незаметный, самый неприспособленный к власти. Он, кто всю жизнь готовился к смерти, а не к правлению.

Он не ждал этого. Он давно смирился с тем, что умрёт раньше отца. Он построил

себе гробницу в Долине Царей — скромную, без лишних росписей, без вычурных надписей. Он готовился к смерти. А смерть пришла за отцом.

И теперь трон, тяжёлый, холодный, огромный, давил на его плечи, как каменная

плита, которую двенадцать человек не могли сдвинуть с места. Он чувствовал её

тяжесть даже здесь, у окна, когда он стоял один и смотрел на воду. Он чувствовал

её в каждой минуте, в каждом вздохе, в каждом мгновении, когда он пытался дышать.

— Ты не спишь, фараон, — раздался голос за спиной.

Мернептах обернулся. В дверях стоял верховный жрец Птаха, старик с лицом,

похожим на потрескавшуюся глину. Его звали Имхотеп, как и великого зодчего

древности, но он был не строителем — он был хранителем. Хранителем традиций, хранителем тайн, хранителем тех

знаний, которые не записывают на папирус, а передают из уст в уста, от жреца к

жрецу, уже три тысячи лет. Он служил ещё при Сети I, при Рамзесе II, при всех

двенадцати наследниках. Он видел, как умирали цари, как рождались новые, как

империя поднималась и падала. И теперь он стоял перед Мернептахом и ждал.

— Не спится, — ответил Мернептах.

— Вода поднимается, — сказал жрец, подходя к окну. — Хороший урожай в этом году. Люди будут сыты.

— Люди будут сыты, — машинально повторил фараон. — А что дальше?

— Дальше? — жрец удивлённо поднял бровь. — Дальше будет засуха. Или наводнение. Или война. Или голод. Всё как всегда.

Мернептах усмехнулся. Горько, сухо, безрадостно.

— Как всегда? Я похоронил отца два месяца назад. Моих братьев — раньше. Двенадцать братьев. Ты помнишь их?

— Я помню всех, — тихо сказал жрец. — Амонхерхопшефа, Рамзеса, Парахерунемефа, Мериамуна, Мерира... Я слу-

жил в

храме, когда они приходили молиться. Молодые, сильные, полные жизни. Все они ушли раньше тебя.

— И теперь я здесь, — сказал Мернептах. — Фараон. Самый старый фараон в истории Египта.

— Самый мудрый, — поправил жрец.

— Мудрый? — Мернептах покачал головой. — Я устал, Имхотеп. Я не хотел этого трона. Я хотел дожить свои дни в тишине, в

окружении внуков, в саду, где цветут лотосы. А вместо этого...

Он не договорил. Он снова посмотрел на воду.

— Вместо этого ты будешь править, — закончил за него жрец. — Потому что боги избрали тебя.

— Боги? — Мернептах усмехнулся. — Боги избрали моего отца. А я... я просто остался. Потому что не умер раньше.

— Этого достаточно, — сказал жрец. — Боги не спрашивают, готов ты или нет. Они просто ставят тебя на место, которое

должно быть занято.

Мернептах молчал. Он смотрел на воду. Жрец стоял рядом. Тишина была густой,

как та вода, что подступила к стенам дворца.

— Что мне делать? — наконец спросил фараон.

— Жить, — ответил жрец. — Править. Дышать. Каждое

утро вставать с постели и идти в тронный зал.

Даже если не хочется. Даже если нет сил. Даже если кажется, что всё бессмысленно.

— А если я не могу?

— Тогда ты умрёшь, — просто сказал жрец. — И на твоё место сядет следующий. А следующий, возможно, будет сильнее. Или

слабее. Это не важно. Важно только то, что Египет будет стоять. С тобой или без тебя.

Мернептах усмехнулся. На этот раз — не горько. Скорее, устало.

— Ты жесток, Имхотеп.

— Я правдив, — ответил жрец. — Это не одно и то же.

Они стояли молча, глядя на воду. Вода прибывала. Вода поднималась. Вода не уходила.

Похороны Рамзеса II были пышными. Таких похорон Египет не видел со времён

Тутмоса III. Процессия растянулась на несколько километров — жрецы в белых одеждах, сановники в золотых ожерельях, военачальники в боевых доспехах, простые люди, пришедшие проститься с фараоном, который правил так долго, что многие родились и умерли при нём, так и не узнав другого правителя.

Мумию везли на ладье, украшенной золотом и лотосами. Ладью тянули воли,

их рога были увиты лентами — синими, красными, зелёными, жёлтыми. Тысячи людей шли за ней, плакали,

кричали, рвали на себе одежды. Женщины падали в обморок, мужчины били себя в грудь, дети смотрели широко открытыми глазами на это великое зрелище,

которое им предстояло запомнить на всю жизнь.

Мернептах шёл за ладьёй. Он был в белых одеждах — цвет траура в Египте. На голове — корона, которую он надел только сегодня, в день похорон, потому что до этого не решался.

Тысячи голосов кричали: «Да здравствует фараон!» Но Мернептах не слышал их.

Он слышал только биение собственного сердца. Он видел только отца, который уходил в вечность, оставляя его одного.

— Ты справишься, — сказала ему мать, царица Туя, перед смертью. — Ты всегда был самым терпеливым из моих сыновей. А терпение — это главное качество правителя.

— А если нет? — спросил он тогда, стоя на коленях у её постели.

— Если нет — значит, боги заберут тебя так же, как забрали твоих братьев, — ответила она. — И это будет не твоя вина. Это будет их воля.

Мернептах запомнил эти слова. И теперь, шагая за ладьёй

с телом отца, он

повторял их про себя, как молитву, как заклинание, как единственное, что могло спасти его от безумия.

— Это не моя вина. Это воля богов.

В тронном зале было холодно, как в гробнице. Его голос, тихий и усталый, терялся под высокими сводами, и Мернептах ловил себя на мысли, что статуи богов

слушают его внимательнее, чем собственные сановники. Глаза каменных львов

над дверями смотрели на него спокойно и равнодушно — они видели столько фараонов, что один лишний или один недостаточный не

менял для них ничего. И от этого спокойствия статуй ему становилось ещё холоднее.

Первые годы правления Мернептаха были тихими. Он не воевал, не строил,

не реформировал. Он просто правил — как чиновник, которого поставили управлять огромным имением, но не дали инструкций. Он подписывал указы, принимал послов, разбирал жалобы. Но ничего не менял.

Пока он сидел, ожидая доклада, пальцы сами собой скользнули по подлокотнику

трона. Дерево было гладким от прикосновений сотен рук, но в одном месте,

у самого края, виднелась царапина — тонкая, будто кто-то провёл по нему ногтем в минуту гнева или страха. Мернептах коснулся её подушечкой пальца, и ему показалось, что он чувствует не дерево,

а время: все эти годы, все эти руки, все эти решения, которые кто-то принимал до

него, и теперь он — очередной, тринадцатый, последний из оставшихся — должен добавить к этому ещё одну царапину: свою.

Он старался быть хорошим фараоном. Старался не ошибаться. Старался не быть

похожим на своего отца — и в то же время быть достойным его.

Но он боялся. Он боялся власти. Он боялся ответственности. Он боялся, что его

решения приведут к гибели Египта. И он ничего не менял. Потому что не знал, какое действие будет правильным.

В Египте говорили, что фараон слаб. Что он боится собственной тени. Что он не достоин своего отца.

— Он сидит на троне, как статуя, — шептались в пивных. — Ни слова, ни жеста, ни удара мечом.

— Он ждёт, когда всё само собой рассосётся, — смеялись другие.

— Он просто глуп, — добавляли третьи.

Мернептах слышал эти разговоры. Но не отвечал. Он знал, что ответ — это действие. А действия не было.

— Ты должен показать им, что ты — фараон, — советовали жрецы.

— Я покажу, — отвечал он. — Но не сейчас. Сейчас — не время.

— А когда будет время? — спрашивали они.

Мернептах молчал.

Война пришла сама. Не потому, что он её искал. Не потому, что он к ней готовился. А потому, что ливийские племена, почувствовав слабость Египта, двинулись на

Дельту. Они жгли города, угоняли скот, убивали женщин и детей. И никто не мог их остановить — потому что пограничные гарнизоны были малочисленны, а

основные войска стояли в Фивах, далеко на юге, и ждали приказа, который не приходил.

— Фараон, — сказал военачальник, молодой и горячий, с лицом, ещё не тронутым шрамами. — Дай мне войско. Я разобью их за месяц.

Мернептах смотрел на карту. Пальцы его дрожали. На папирусе Нил вился,

как серебряная змея, и Мернептах вдруг увидел, как течение само ведёт его: оно не спрашивало, хочет ли он быть

фараоном, оно просто несло его вперёд, к неизбежному. «Выбирай, — казалось, шептала река сквозь стены дворца. — Течение уже понесло тебя. Ты можешь сопротивляться, но оно всё равно дотащит тебя до водопада».

И он кивнул. Не потому, что был уверен. А потому, что понял: сопротивляться — значит утонуть раньше времени.

Войско выступило на запад через две недели. Битва была жестокой — ливийцы сражались как звери, потому что отступать им было некуда. Египтяне,

напротив, стояли насмерть. Они знали: за ними — их дома, их семьи, их страна. Они не могли отступить.

Битва длилась несколько часов. Сотни убитых, сотни раненых, сотни пленных. Но к вечеру ливийцы побежали. Египтяне победили.

Ливийцев отбросили на запад, их вождей казнили на месте, их женщин и детей

обратили в рабство. Тысячи пленных — мужчины, женщины, дети — были приведены в Мемфис и проданы на рынках. Цены на рабов упали так низко, что даже бедный ремесленник мог позволить себе купить слугу.

Египет вздохнул с облегчением. Фараон наконец-то показал себя. Люди говорили — Мернептах не так слаб, как казался. Он просто ждал своего часа.

Но Мернептах не радовался. Он видел списки погибших. Тысячи имён. Тысячи

жизней, которые оборвались по его приказу. Он перечитывал их ночью, при свете масляной лампы, и плакал. Потому что многие из этих имён он знал.

— Это война, — сказал ему советник. — На войне всегда гибнут.

— Я знаю, — ответил фараон. — Но это не делает боль легче.

После победы над ливийцами он построил склад. Огромный склад для зерна,

чтобы в случае голода люди не умирали.

— Это глупо, — сказали советники. — Фараоны строят храмы. Или гробницы. Склады строят писцы.

— Я построю склад, — ответил Мернептах. — И назову его своим именем.

Склад построили за год. Он был большим, крепким, вместительным. Чиновники

наполнили его зерном — столько, что хватило бы на три года голода. И Мернептах почувствовал что-то

похожее на удовлетворение.

— Может быть, я не так плох, как думал, — сказал он жене.

— Ты хорош, — ответила она. — Ты просто не такой, как твой отец.

— А какой?

— Ты — человек. А он был богом.

Он умер в своей постели. Это случилось в месяц ахету,

когда Нил начинал

разливаться. Он лежал на деревянном ложе, покрытом льняными простынями,

и смотрел в потолок, где искусные художники давно нарисовали звёздное небо — чтобы фараон, даже лёжа, видел дорогу в Западную Страну.

Рядом стояла его жена Иситнофрет. Она держала его за руку, и её пальцы, когда-то молодые и нежные, теперь были такими же морщинистыми и сухими, как у него.

Она не плакала. Она смотрела на него и молчала.

— Ты была хорошей женой, — сказал Мернептах. Голос его был тихим, как шёпот.

— А ты был хорошим фараоном, — ответила она. — Не великим. Но хорошим.

— Этого достаточно?

— Для меня — да, — сказала она. — Для Египта — не знаю.

Мернептах закрыл глаза. Он подумал об отце. О Рамзесе Великом, который

шестьдесят семь лет правил Двумя Землями и умер богом. О братьях, которые

ушли раньше. О тех, кто остался — и кто не справился.

— Я сделал всё, что мог, — прошептал он.

— Ты сделал, — ответила жена.

Он умер через час. Без криков, без предсмертных проклятий, без великих

откровений. Просто закрыл глаза и не открыл их снова.

Его тело было забальзамировано, его мумия была помещена в гробницу, которую он построил для себя при жизни. Но через несколько столетий грабители нашли её. Они сорвали золото, сломали саркофаг, разбросали пелены. Жрецы, чтобы спасти мумию, спрятали её в тайнике — в гробнице Аменхотепа

Глава 2. Сети II

Мемфис, 1203 год до нашей эры. Первый месяц после смерти Мернептаха.

Сети II вступил на престол с именем, которое обещало величие, и с душой, которая не могла его вынести. Он был сыном Мернептаха и Великой царской супруги Иситнофрет, но это родство не давало ему ни власти, ни уважения. Он был чиновником по природе — аккуратным, педантичным, любящим порядок. Но порядок в Египте держался не на папирусах и указах. Он держался на страхе. Страхе перед фараоном, который мог одним словом отправить человека в рудники или возвысить до небес. Сети II не умел внушать страх.

Коронация прошла в Мемфисе, в храме Птаха. Жрецы читали заклинания, сановники кланялись, народ кричал: «Да здравствует фараон!» Но всё это было похоже на театр, где зрители уже знают, что пьеса плохая. Сети II стоял на возвышении, и корона, которую он надел, казалась ему не символом власти, а свидетельством его неспособности. Он смот-

рел на толпу, и ему казалось, что они видят его насквозь — видят его страх, его сомнения, его неготовность.

Когда жрецы выкрикнули его тронное имя, эхо ударилось о колонны и рассыпалось, не долетев до дальних рядов. Толпа кричала: «Да здравствует фараон!», но эти крики звучали не как клятва верности, а как заученный ритуал, который повторяют, потому что так положено. И в короткой паузе между двумя волнами криков Сети II услышал собственную тишину — такую густую, что от неё звенело в ушах.

— Он слишком мягок, — говорили придворные за его спиной в тот же день.

— Он слишком слаб, — шептали жрецы по углам.

— Он слишком человечен, — вздыхали женщины в гареме.

Сети II слышал эти разговоры. Но не знал, что с ними делать. Он пытался быть твёрдым — подписывал смертные приговоры, ссылал неугодных в дальние гарнизоны, конфисковывал имущество у тех, кто посмел усомниться в его праве на трон. Но каждое такое решение давалось ему с трудом. Он не спал ночами, перечитывая имена казнённых, и плакал, когда никто не видел.

Однажды он вынес приговор на суде. Мужчина обвинялся в краже зерна из царских амбаров. Сети II приказал отрубить ему руку. Когда стражники схватили осуждённого и

тот закричал, умоляя о пощаде, Сети II почувствовал, как его собственные руки дрожат. Он сжал пальцы в кулаки так сильно, что ногти впились в ладони, но эта боль не могла заглушить другую — ту, что разливалась по груди, тяжёлая и горькая, как смола. Он вышел из зала суда, не дождавшись конца казни.

Ночью он не спал. Он лежал на своём ложе и думал о том, что у этого человека, возможно, была семья, дети, которые теперь останутся без кормильца. Он плакал. Но утром он снова пошёл в тронный зал, потому что должен был.

— Ты не создан для этого, — сказала ему однажды царица Таусерт, его мачеха, женщина с глазами, похожими на два куска обсидиана. — Ты создан для того, чтобы сидеть в библиотеке и перебирать свитки. Зачем ты взялся за то, что тебе не по силам?

— Потому что я — фараон, — ответил Сети II. — Или должен им быть.

— Должен, — усмехнулась Таусерт. — Но не являешься. Эти слова застряли в его памяти, как заноза, которую невозможно вытащить.

Своё правление Сети II начал с попытки заявить о себе. Он приказал достроить небольшой храм в Карнаке — тот самый, который начал ещё Мернептах, но забросил из-за войны с ливийцами. Храм был скромным, без излишеств, но Се-

ти II надеялся, что это покажет его благочестие и укрепит авторитет.

Он лично приезжал на стройку, стоял среди пыли и криков надсмотрщиков, смотрел на грубые, ещё не отполированные блоки и думал: «Если я построю это, они начнут меня уважать». Но камни были холодными и равнодушными. Они не знали, кто их кладёт. Для них не было разницы между волей великого царя и мольбой слабого человека.

— Фараоны строят храмы, — сказал он советникам. — Я построю.

— Твой отец строил склады, — заметил один из них. — Твой дед строил целые города. А ты строишь маленький храм.

— Лучше маленький, чем никакой, — ответил Сети II.

Советник промолчал, но его взгляд говорил больше, чем слова.

Сети II приказал высечь своё имя на нескольких стелах. Он даже попытался организовать военный поход в Нубию, где снова начали бунтовать местные племена. Но армия, привыкшая к твёрдой руке Рамзеса II и Мернептаха, не спешила выполнять приказы нового фараона.

— Он не воин, — говорили военачальники в своих шатрах. — Он писец. Пусть сидит и считает зерно.

— А мы? — спросил один из них.

— А мы подождём. У нас есть время.

Сети II слышал и это. Он попытался сместить непокорных военачальников, но те отказались подчиняться. Они ссылались на «болезнь», «усталость», «необходимость охранять границы». На самом деле они просто ждали — когда фараон ослабнет настолько, что его можно будет игнорировать открыто.

Его правление длилось всего несколько лет. За это время он не успел ничего изменить. Империя, которую Рамзес II строил шестьдесят семь лет, продолжала рассыпаться, как песок сквозь пальцы. В Фивах жрецы Амона набирали силу, чувствуя слабость фараона. Они перестали присылать отчёты о доходах храмов, начали сами собирать налоги, даже осмелились отказать фараону в просьбе выделить зерно для армии.

— Жрецы Амона, — сказал Сети II своему советнику, старому писцу Херихору. — Они ведут себя как цари.

— Они и есть цари, — ответил советник. — В своих землях. Им не нужен фараон.

— А что им нужно?

— Им нужно, чтобы фараон не мешал.

Сети II попытался надавить на жрецов, отправив в Фивы своего человека с требованием подчиниться. Человек вернулся ни с чем. Его приняли, выслушали, накормили, но никаких обещаний не дали.

— Они играют с тобой, — сказала Таусерт, когда Сети II пожаловался ей. — Они знают, что ты не тронешь их. Потому что если ты тронешь жрецов, против тебя восстанет вся страна.

— Что мне делать?

— Ничего, — усмехнулась она. — Жди. Или умри.

В Дельте тем временем активизировались пираты. Они нападали на торговые корабли, жгли прибрежные деревни, уводили людей в рабство. Сети II приказал построить несколько быстроходных лодок для патрулирования, но денег в казне не хватало. Налоги собирались плохо, чиновники воровали, а жрецы прятали доходы.

— У нас нет денег на войну с пиратами, — сказал казначей, старик с лицом, похожим на сморщенный папирус.

— У нас нет денег на мир, — ответил Сети II.

— Тогда что нам делать?

— Ничего, — сказал фараон. — Ждать.

На границах кочевники снова поднимали головы. Ливийцы, разбитые Мернептахом, ещё не оправились от поражения, но их соседи, племена из оазисов, начали совершать набеги на египетские караваны. Сети II отправил послов с дарами — серебром, тканью, зерном. Кочевники приняли дары, но набеги не прекратили.

— Они не уважают тебя, — сказал военачальник. — Если бы на твоём месте был Рамзес Великий, они бы не посмели.

— Рамзеса Великого нет, — ответил Сети II. — Есть я.

— Этого недостаточно.

Сети II знал.

Он начал болеть. Сначала — слабость, потом — головокружения, потом — долгие часы забытья, когда он лежал на своём ложе и смотрел в потолок, где художники нарисовали звёздное небо. Лекари не знали, чем его лечить. Они разводили руками и шептались о проклятии.

— Это не проклятие, — сказала Таусерт, навещая его. — Это ты сам себя съедаешь изнутри.

— Я устал, — ответил Сети II.

— Тогда умри, — холодно сказала она. — И освободи место для того, кто сможет править.

Сети II смотрел на неё. В её глазах не было ненависти. Не было любви. Был только расчёт. Она ждала. Она всегда ждала. Она ждала, когда он умрёт, чтобы посадить на трон марионетку — больного мальчика Саптаха, который не сможет ей помешать.

— Ты давно этого хочешь? — спросил Сети II.

— Я хочу, чтобы Египет был сильным, — ответила Таусерт. — А ты делаешь его слабым.

— Я делаю всё, что могу.

— Этого недостаточно.

Она ушла, оставив его одного.

Последние дни Сети II провёл в полном одиночестве. Он отказался от встреч с советниками, от приёмов, от молитв в храмах. Он лежал и смотрел в потолок. Но звёзды не двигались. Они были нарисованы раз и навсегда — мёртвые, застывшие на синем фоне. Ему казалось, что время больше не течёт, как Нил, а стоит, как вода в заброшенном канале, и гниёт. Иногда он звал мать — но мать умерла давно. Иногда он звал отца — но отец не слышал.

— Прости меня, — прошептал он однажды ночью. — Я не справился.

Он умер через месяц. Не от яда — лекари не нашли следов отравления. Просто однажды утром он не проснулся. Его

тело нашли в постели — холодное, спокойное, с лицом, на котором застыло выражение усталого облегчения.

— Фараон умер, — объявила Таусерт, стоя у его ложа. — Да здравствует фараон.

Никто не спросил, кто будет следующим. Все знали — следующий будет тот, кого она выберет.

Похороны Сети II были скромными — намного скромнее, чем у его отца. Не хватало денег на пышную процессию, на золотые украшения для мумии, на долгие молитвы. Жрецы дочитывали «Книгу мёртвых» наспех, пропуская целые главы. Родственники стояли молча, глядя, как тело опускают в саркофаг.

— Он не был великим, — сказал один жрец другому после похорон.

— Он был фараоном, — ответил тот. — Этого достаточно.

— Достаточно для чего?

— Для того, чтобы его имя записали в списки.

Имя Сети II записали. Но никто не запомнил. Никто не оплакивал его. Никто не рвал на себе одежды. Люди просто сказали: «Фараон умер. Да здравствует фараон». И разошлись по домам. На рынке уже продавали лепёшки, дети бежали по улицам, не зная, что сегодня хоронили царя. Жизнь

не остановилась ни на миг — она просто переступила через него, как через камень на дороге, который мешает, но не стоит того, чтобы его обходить.

В тот же день Таусерт созвала совет. Она объявила, что следующим фараоном станет Саптах — молодой человек, больной с детства, неспособный ходить без помощи слуг. Его ноги были скручены болезнью, руки дрожали, голос был тихим, как шёпот умирающего.

— Я буду править от его имени, — сказала Таусерт. — Ибо такова воля богов.

Никто не возразил. Потому что боялись.

А Сети II забыли. Его гробницу разграбили ещё при жизни его преемников. Его имя стёрли с некоторых стел — те, кто пришёл после, не хотели помнить слабых. Мумия его, если и сохранилась, затерялась среди других — без надписи, без саркофага, без имени.

Но это будет потом.

А пока — Египет остался без правителя. И начиналось то, что историки назовут «смутным временем».

Глава 3. Саптах и Таусерт

Мемфис, 1198 год до нашей эры. Второй месяц правления Саптах.

Таусерт вошла в тронный зал, и все присутствующие опу-

стили глаза. Она не была фараоном — по крайней мере, официально. Но все знали: настоящая власть принадлежит ей. Саптах, сидевший на троне, был лишь тенью, марионеткой, чьи руки и ноги дёргались за ниточки, которые она держала в своих пальцах.

Юный фараон был болен с детства. Его ноги не слушались, руки дрожали, голос был тихим, как шёпот в храме. Он не мог править — и не правил. Он сидел на троне, смотрел перед собой пустыми глазами и ждал, когда его уведут обратно в покои.

— Ты устал, — сказала Таусерт, подходя к трону. — Иди отдохни. Я всё сделаю сама.

Саптах кивнул. Он всегда кивал. Ему было всё равно.

Слуги помогли ему подняться и вывели из зала. Таусерт села на трон. Не рядом — на сам трон. Она опустилась на трон так, будто сидела здесь всю жизнь, будто трон был продолжением её тела, а не чужой вещью. Она смотрела на придворных, и в её глазах было спокойствие хищника, который знает: добыча никуда не денется.

— Сегодня мы обсудим налоги, — сказала она. — И назначения новых чиновников. И судьбу тех, кто посмел усомниться в праве фараона на престол.

Никто не возразил. Никто не посмел. Даже те, кто ещё вчера шептал, что женщина не может править, теперь скло-

няли головы так низко, что их лбы почти касались пола. Они учились бояться быстро.

Таусерт не была урождённой египтянкой. Её отец был хеттским вельможей, мать — сирийской княжной. Она появилась при дворе Мернептаху как подарок — одна из многих, кого присылали чужеземные правители, чтобы заручиться благосклонностью фараона. Но Таусерт не считала себя подарком. Она считала себя оружием.

Она быстро поняла: в Египте власть принадлежит не тем, кто рождён править, а тем, кто умеет ждать и наносить удар в нужный момент. Она ждала. Она наблюдала. Она училась. И каждый день она запоминала, кто на кого смотрит, кто кому кланяется, кто шепчет за спиной, а кто молчит. Она собирала эти мелочи, как каменщик складывает кирпичи, зная, что однажды из них вырастет её собственный трон.

Когда Мернептах умер, она уже была готова. Её муж, Сети II, стал фараоном, но Таусерт знала, что он не сможет удержать власть. Он был слишком мягким, слишком слабым. Она помогла ему — или, точнее, она помогла себе.

Она подсыпала ему в вино снотворные травы, чтобы он спал дольше, а она могла править. Она смещала его сторонников, ставила на их место своих людей. Она готовилась к тому дню, когда трон освободится.

И когда Сети II умер, она уже была готова.

Теперь Саптах сидел на троне, но правила она.

Таусерт правила жёстко. Она казнила заговорщиков, ссы-

лала недовольных, конфисковывала имущество у тех, кто посмел усомниться в её праве на власть. Её боялись. Её ненавидели. Но её слушались — потому что за её словами стояли мечи наёмников, которых она наняла на деньги из опустевшей казны.

— Она не женщина, — говорили в народе. — Она демон в женском обличье.

— Она — фараон, — поправляли их другие. — А фараоны всегда жестоки. Даже женщины.

Таусерт слышала эти разговоры. Но они не имели для неё значения. Она знала: народ должен бояться. Страх — это единственное, что держит империю вместе. Страх перед фараоном, который может возвысить или уничтожить одним словом.

Однажды во дворец привели заговорщика. Молодой военачальник по имени Херихор (не тот, что служил Сети II, а другой, его тёзка) посмел открыто заявить, что женщина не может править Египтом. Его слова дошли до Таусерт. Она приказала схватить его и привести в тронный зал.

— Ты сказал, что я не могу править? — спросила она, глядя на него сверху вниз.

— Я сказал, что женщина не может быть фараоном, — ответил он, не опуская глаз.

— Я не фараон, — сказала Таусерт. — Я — та, кто правит фараоном. И я правлю тобой.

Она приказала казнить его. Публично, на площади перед дворцом. Когда его тело повисло на стене, она вышла на балкон и посмотрела на толпу. В её глазах не было ни торжества, ни жалости. Только ледяное спокойствие.

— Это случится с каждым, кто посмеет усомниться в моей власти, — сказала она.

Толпа молчала. Даже ветер, который обычно шумел над крышами Мемфиса, будто притих, чтобы не мешать ей.

Таусерт постояла ещё минуту, ровно столько, сколько требовалось, чтобы все запомнили её лицо и её слова. Потом она повернулась и ушла. Ей не нужно было смотреть на тело. Она знала, что оно там. Она знала, что урок усвоен.

— Ты слишком жестока, — сказал ей однажды верховный жрец Амона, тот самый, который когда-то благословил её на брак с Сети II. — Ты теряешь поддержку жрецов.

— Жрецы поддержат меня, если я дам им деньги, — ответила Таусерт. — Я дам им деньги. Потому что если они не поддержат меня — они умрут.

Жрец не нашёл, что ответить.

Она была права. Она давала жрецам золото, и они закрывали глаза на её методы. Она давала военачальникам власть,

и они приводили в порядок армию. Она давала чиновникам должности, и они обеспечивали порядок в провинциях. Это была не справедливость — это был обмен. Но в мире, где всё рушилось, этого было достаточно.

Саптах жил в своих покоях, отделённый от мира. Он почти не видел никого, кроме слуг и лекарей. Его дни были похожи один на другой: утро — ритуалы, днём — короткие выходы в тронный зал, вечер — снова покои. Он редко говорил, но когда говорил — его голос был слабым, как шелест сухих листьев.

— Зачем я здесь? — спросил он однажды у своей няни.

— Ты фараон, — ответила она. — Ты должен быть здесь.

— Я не хочу быть фараоном.

— Ты должен.

Саптах замолчал. Он не понимал, почему должен. Но он знал: спорить бесполезно. В этом дворце никто не спрашивал, чего хочет Саптах. Его желания были такими же лишними, как тень в полдень.

Иногда, когда его выводили в тронный зал, он смотрел на Таусерт. Она сидела на троне, она говорила, она отдавала приказы. Он смотрел на неё пустыми глазами, но в глубине его души, где-то очень глубоко, шевелилось что-то похожее на зависть. Она была сильной. Она была живой. А он был

просто тенью.

Он умер через четыре года после коронации. Не от болезни — хотя болезнь давно точила его. Просто однажды утром он не проснулся. Его тело нашли в постели — маленькое, худое, похожее на тело ребёнка, хотя ему было уже за двадцать.

Он ушёл тихо, без криков, без борьбы, как уходит дым, когда гаснет огонь. Даже его няня молчала. Она не плакала, потому что не знала, как плакать по тому, кто никогда не жил по-настоящему.

— Фараон умер, — объявила Таусерт. — Да здравствует фараон.

Никто не спросил, кто будет следующим. Все знали — следующим будет она.

Похороны Саптаха были тихими. Почти незаметными. Тело опустили в скромный саркофаг и отнесли в гробницу, которую он никогда не видел. Жрецы прочитали короткие молитвы. Никто не плакал.

— Он был фараоном, — сказал кто-то из придворных.

— Он был мальчиком, — ответила Таусерт, стоя в дверях.
— А теперь его нет.

Она повернулась и ушла.

Таусерт стояла у окна дворца в Мемфисе, смотрела на разлившийся Нил и думала о том, как удержать власть.

Нил разливался выше обычного. Вода подступала к стенам, затопляла причалы. Люди говорили — это дурной знак. Таусерт не верила в знаки. Она верила только в себя.

Но в тот вечер, когда она стояла у окна и смотрела на тёмную, тяжёлую воду, ей вдруг показалось, что река не поднимается, а *надвигается* — как огромная, молчаливая волна, которая уже выбрала себе цель. И даже если она построит вокруг дворца стены из золота, эта волна всё равно дойдёт до неё.

— Приготовьте коронацию, — сказала она своим советникам. — Я должна стать фараоном.

— Но ты женщина, — возразил один из них.

— Я — та, кто правит, — ответила она. — И я буду править до тех пор, пока Египет не падёт. Или пока я не умру.

Она не знала, что Египет уже падает. Что на востоке собирает своё войско человек по имени Ирсу. Что её правление — лишь отсрочка. Что скоро наступит хаос, из которого родится новая династия.

„Это будет потом“, — сказала она себе.

А пока — Таусерт правила. И её имя войдёт в историю — как имя женщины, которая осмелилась взять трон, и как имя, которое будет стёрто теми, кто придёт после.

Глава 4. Смутное время

Мемфис, 1194 год до нашей эры. Третий год правления Таусерт.

В Дельте начался голод. Нил разлился слабее обычного — будто сам Хапи, бог реки, отвернулся от Египта. Поля недополучили влаги, урожай погиб на корню, амбары опустели. Люди ели коренья, кожу, волов, которые уже не могли работать. А потом — ели друг друга.

На рыночных площадях Мемфиса собирались толпы. Женщины с пустыми руками, мужчины с потухшими глазами, дети, которые уже не плакали — у них не было сил. Они стояли перед закрытыми воротами амбаров и молчали. Молчание было страшнее криков.

Даже голуби, которые всегда кружили над базарами, исчезли. Даже собаки, вечно шнырявшие между прилавков, теперь прятались по углам, боясь, что их самих сочтут едой. Город, который когда-то гудел от торговли, теперь дышал редко и тяжело, как больной старик.

— Это кара богов, — вопили жрецы на площадях. — Египет согрешил! Египет забыл о своих богах!

— Боги тут ни при чём, — шептали в ответ. — Это фараоны забыли о своём народе.

Таусерт, сидящая на троне в Мемфисе, получала донесения из провинций. Они были все одинаковыми: голод, болезни, мятежи. Она читала их, откладывала в сторону и под-

писывала новые указы. Указы о налогах, о реквизициях, о наказаниях для тех, кто осмелится бунтовать.

— Мы не можем кормить всех, — сказал ей главный казначей, старик с лицом, похожим на сморщенный папирус. — У нас нет зерна.

— Тогда найдите его, — ответила Таусерт, не поднимая глаз от свитка. — У кого-то оно есть. Отберите.

— Это вызовет бунт, — предупредил казначей.

— Тогда подавите бунт, — холодно сказала она.

Казначей вышел, низко поклонившись. Он знал, что спорить бесполезно. В её голосе не было ни гнева, ни раздражения — только расчёт. И от этого становилось страшнее.

В Верхнем Египте, в посёлке Дейр-эль-Медина, где жили ремесленники, строившие гробницы в Долине Царей, началась первая в истории человечества забастовка*.

Рабочие, привыкшие к тому, что их труд кормит семьи, оказались на грани выживания. Хлебные пайки, которые они получали за работу, уменьшились вдвое. А потом — исчезли совсем.

— Мы не будем копать гробницы для мёртвых, — заявили они, — пока наши дети умирают от голода.

Староста рабочих, седой старик по имени Небнефер, пришёл к воротам храма, где заседали чиновники. С ним были сотни ремесленников — мужчины в потрёпанных одеждах, женщины с плачущими детьми на руках.

— Дайте нам зерно! — кричали они. — Дайте нам хлеб. Мы не вернёмся к работе, пока наши семьи не будут сыты.

Чиновники испугались. Они привыкли, что рабочие молчат, кланяются, благодарят за жалкую подачку. Они не знали, что делать с людьми, которые перестали бояться.

— Мы доложим фараону, — пообещали они.

— Докладывайте, — ответил Небнефер. — А мы подождём. У нас есть время. У наших детей — нет.

Когда Таусерт узнала о забастовке, она приказала арестовать зачинщиков. Но стражники, посланные в Дейр-эль-Медину, столкнулись с толпой, которая была готова умереть, но не отступить.

— Мы никуда не пойдём, — сказал Небнефер. — Убейте нас здесь. Но тогда никто не будет строить гробницы. И ваши фараоны будут лежать в песке, как простые смертные.

Стражники отступили. Они не были готовы к такому.

Забастовка длилась несколько недель. Чиновники искали компромисс, Таусерт метала громы и молнии, а рабочие стояли на своём. В конце концов, зерно нашли — в амба-

рах, которые Таусерт приказала опечатать для «чрезвычайных нужд».

— Вы победили, — сказала она рабочим. — Но запомните: в следующий раз я не буду такой милостивой.

Рабочие не поверили. Но зерно взяли. И каждый мешок они несли как трофей и как предупреждение.

В это же время на востоке появился человек, о котором позже сложат легенды. Его звали Ирсу. Говорили, он был сирийцем. Говорили, он был рабом, сбежавшим от хозяина. Говорили, он был военачальником из разбитой хеттской армии, который решил попытать счастья на чужой земле. Никто не знал правды — и никто не искал её. Важно было другое: у него был меч, и за ним шли люди.

Ирсу появился в Дельте в самый разгар голода. Он пришёл с востока, из пустыни, где кочевники веками ждали момента, чтобы ударить по ослабевшему Египту. Он собрал вокруг себя отряд отчаянных голов — беглых рабов, разорившихся крестьян, наёмников, потерявших своих командиров, воров, убийц, всех, кого общество вышвырнуло на обочину. С этим отрядом он захватил небольшой городок на границе, потом — второй, третий. А потом объявил себя царём.

— Египтом должен править египтянин, — заявил Ирсу. — А вы, — он обвёл взглядом приближённых Таусерт, — вы не египтяне. Вы — гниль. Вы — паразиты. Вы — те, кто довёл страну до голода и разрухи.

Он был харизматичен. Он был жесток. Он был тем, кто мог дать людям надежду — даже если эта надежда была ложной.

Таусерт послала против него армию. Армия разбежалась, не вступив в бой. Солдаты не хотели умирать за женщину, которая сидела во дворце и никогда не видела войны.

— Дайте нам хлеба, — сказали они посланцам царицы. — Мы не будем воевать на голодный желудок.

Хлеба не было.

Ирсу вошёл в Мемфис с триумфом. На улицах его встречали как освободителя — женщины бросали цветы, мужчины кричали «слава!», дети бежали за его лошадьё, смеясь и размахивая руками. Но триумф длился недолго.

Ирсу был воином, а не правителем. Он умел завоёвывать, но не умел управлять. Его люди грабили склады, насиловали женщин, убивали тех, кто пытался им перечить. Его армия, состоявшая из отбросов общества, не знала дисциплины. Она знала только жажду наживы.

— Он не лучше прежних, — шептались в народе. — Он хуже.

Через год Ирсу бежал из Мемфиса. Его изгнали те, кто ещё недавно кричал ему «слава!». Он умер где-то на востоке, в пустыне, от ран, полученных в одной из стычек с кочевниками. Его тело сожрали шакалы. Его имя стёрли из хроник. Но память о нём осталась. Как напоминание о том, как низко

пал Египет.

В это смутное время, когда никто не верил в завтрашний день, когда старые боги казались глухими, а новые — не родились, в северной части Дельты, среди болот и каналов, жил человек, которого судьба готовила к великой миссии.

Его звали Сетнахт.

Он не был знатного рода. Его отец был военачальником средней руки, дед — писцом при одном из храмов. Никто не ждал от него подвигов, никто не пророчил ему славы. Он был просто воином, умелым, опытным, но не более. Но когда Египет начал разваливаться на части, когда Ирсу захватил Мемфис, когда Таусерт бежала в Фивы, а жрецы Амона молились о спасении — Сетнахт сделал то, что не сделал никто.

Он поднял мятеж.

— Я не хочу быть царём, — сказал он своим воинам. — Я хочу, чтобы в Египте был порядок. И я готов умереть за этот порядок.

Его слова, простые и твёрдые, дошли до тех, кто ещё не потерял надежду. К нему начали стекаться люди — не только воины, но и крестьяне, ремесленники, даже жрецы, уставшие от хаоса. Он стал собирать армию.

Таусерт, узнав о его мятеже, приказала казнить его. Но посланные стражники перешли на сторону Сетнахта. Они видели в нём того, кто может остановить падение Египта.

— Ты не похож на других, — сказал ему один из них. —

У тебя нет жажды крови.

— У меня есть жажда порядка, — ответил Сетнахт. — А порядок — это когда люди работают, едят, спят, рожают детей и умирают в своей постели, а не на поле боя.

Он наводил порядок. Жёстко, беспощадно, не считаясь с авторитетами. Он казнил воров, грабителей, взяточников. Он вернул жрецам их привилегии — но потребовал, чтобы жрецы молились не за себя, а за Египет. Он восстановил армию — но не для завоеваний, а для защиты границ.

И когда он вошёл в Мемфис, его встречали как спасителя. — Ты хочешь стать фараоном? — спросили его однажды.

— Нет, — ответил он. — Я хочу, чтобы мой сын стал фараоном.

— Твой сын?

— Его зовут Рамзес. Он будет великим. Он вернёт Египту славу.

— Ты веришь в это?

— Я в этом уверен.

Сетнахт правил всего два года. Два года, которые изменили Египет. Он не строил храмов, не воздвигал статуй. Он

просто наводил порядок.

А потом умер. Не от болезни, не от старости, не от яда. Просто лёг спать и не проснулся.

— Подготовьте коронацию моего сына, — сказала его вдова.

— Но траур ещё не кончился, — возразили жрецы.

— Кончится, — ответила она. — Завтра.

Часть 2. Ветер перемен.

Глава 5. Коронация в эпоху шторма

Фивы, 1189 год до нашей эры. Первый месяц после смерти Сетнахта.

Он не был великим. Он не был знатным. Он не был тем, кого помнят в веках. Но он был тем, кто остановил хаос. И этого оказалось достаточно.

Сетнахт умер в своей постели. Это случилось на исходе ночи, когда луна уже скрылась за горизонтом, а солнце ещё не взошло. Тело его, ещё тёплое, нашли слуги, когда пришли разбудить его для утренних ритуалов. Он лежал на спине, руки сложены на груди, лицо спокойное. Никто не знал, что его забрало — болезнь, старость или воля богов. Но все знали: Египет остался без правителя.

— Фараон умер, — прошептала одна из служанок, выбе-

гая из покоев. Её голос дрожал, руки тряслись. Она не знала, что будет дальше. Она знала только, что мир, который она знала, рухнул.

— Да здравствует фараон, — ответил ей стражник, не задумываясь. Он даже не знал, кто будет следующим. Но знал одно: Египет не должен остаться без правителя.

Вдова Сетнахта, женщина с твёрдым взглядом и железной волей, стояла у тела мужа и смотрела на него. Её звали Тия, но она была не той Тией, которая позже войдёт в историю как заговорщица. Она была другой Тией — той, которая удержала трон для своего сына. Она не плакала. Она уже знала, что делать.

Она подошла к телу мужа, наклонилась и коснулась его лба. Кожа была холодной. Она провела пальцами по его лицу, закрыла ему глаза, которые уже смотрели в вечность. Её лицо оставалось непроницаемым. Никто не видел, что происходит у неё внутри.

— Приготовьте коронацию моего сына, — сказала она придворным, которые столпились у дверей. Голос её был тихим, но твёрдым, как сталь.

— Но траур ещё не кончился, — возразил верховный жрец, старик с лицом, покрытым морщинами, который помнил ещё Мернептаха. Его голос дрожал от негодования — женщина осмелилась командовать им.

— Кончится, — ответила она, и в её глазах блеснул холодный огонь. — Завтра. У нас нет времени ждать.

Она подошла к жрецу, посмотрела ему прямо в глаза.

— Ты думаешь, что я не знаю, что происходит в Фивах? Что я не знаю, как жрецы Амона собирают налоги, которые не доходят до казны? Что я не знаю, что на границах кочевники чувствуют себя хозяевами? Я знаю. И если мы будем ждать, пока траур кончится, Египта не останется.

Жрец опустил глаза. Он хотел возразить, но не нашёл слов.

Коронация прошла на следующий день. В храме Птаха, где когда-то короновали самого Рамзеса Великого, Рамзес III надел двойную корону Верхнего и Нижнего Египта. Жрецы читали заклинания, сановники кланялись, народ кричал: «Да здравствует фараон!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.